

пенное усвоение идеи народности искусства, которую вели Пушкин и декабристская литературная критика, нашла отзвук в последующей деятельности польского поэта».³

Прежде всего следует напомнить, что в лекциях Мицкевича наряду с мессианскими идеями присутствовали и здравые положения: сравнительно-исторические рассуждения польского поэта исполнены подчас гениальной интуиции, которая проистекает из его собственной творческой практики, а также оплодотворяется декабристской атмосферой и, может быть, влиянием Белинского. Высокая оценка народного творчества славян *ex cathedra* и в печати являлась в свое время выдающимся культурным событием. Мицкевич — в основном на материале южнославянского эпоса — утверждал: народ создает могучую героическую поэзию, которая объединяет историческое прошлое с настоящим и грядущим. Кроме того, Мицкевич уже разбирал художественную структуру поэзии Пушкина в связи с проблемами национальности и народности. Это делалось почти одновременно с Белинским, предшественником которого в этом смысле был Гоголь в своих «Арабесках». Восхищение народной поэзией, особенно славянской, стало в средней Европе некоей литературной модой; ее пропагандировали уже Тальви (Тереза Альбертина Луиза фон Якоби), Мериме, братья Гримм и т. д., не говоря о славянских учениках. Однако Мицкевич не относился к фольклору лишь как к забавному курьезу либо доказательству существования народа и его культуры; он видел органическое место народной словесности в национальной культуре. Историческая обстановка была причиной того, что Мицкевич приложил к народному творчеству свой «славянский догмат», свой мессианизм, что он рассуждал, в частности, следующим образом: все славяне — пусть они и принадлежат к разным нациям — исполнены духа всего племени; этот дух — свойство народных масс, поэтому славянские литературы возвращаются к народной культуре, выражающей интересы славянских наций, чистой и свободной от иноязычных влияний. С началом XIX столетия Мицкевич связывал переломный момент литературного процесса, демонстрируя это на примере польской и русской литератур. Эпоху подготовки этого перелома он усматривал в последних десятилетиях XVIII в., что было вполне естественным для поэта-революционера, жившего в стране Великой буржуазной революции.

Для литературоведа эволюция культуры воплощается прежде всего в писательских личностях (разумеется, нельзя изолировать их от социальной структуры). И наоборот: великие художественные произведения возникают как результат определенных национальных и социальных отношений. Пушкин и Мицкевич знаменуют собою культурный этап не только для русских и поляков, но и для

---

³ Marian Jakóbiec. Literatura rosyjska w wykładach Mickiewicza. — Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego, 1956, № 9, стр. 71—72.